

УДК 930.2 (470.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-7-13

ИСТОРИЯ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ XVI–XVIII ВЕКОВ В ОТРАЖЕНИИ РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ*

Дзамихов Касболат Фицевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), casbolat2013@yandex.ru

Мурагова Елена Георгиевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, lena_gm@mail.ru

В статье представлен аналитический обзор русских архивных документов по истории Кабарды и Балкарии XVI–XVIII вв. Описаны источники, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном военно-историческом архиве, Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, рукописном фонде Государственного исторического музея и других архивных собраниях. Представлен видовой обзор выявленных документов и отмечена специфика содержащейся в них информации. Эти источники, частично опубликованные в разных документальных сборниках, отражают политические, социальные и правовые отношения между народами Кабардино-Балкарии и Российским государством в XVI–XVIII вв.

Ключевые слова: Кабарда, Балкария, XVI–XVIII века, историография, архивы, архивные источники, источниковедение.

В источниковедческих работах выдающихся отечественных кавказоведов Е.Н. Кушевой¹, М.О. Косвена², А.П. Пронштейна³ и других ученых показан приоритет русских письменных источников в изучении истории Северного Кавказа XVI–XVIII вв. Не является исключением история Кабарды и Балкарии этого периода.

Фонды Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), сформировавшиеся на основе «столпов» Посольского приказа и бумаг Коллегии иностранных дел, содержат материалы, связанные с северокавказскими народами. Из документов РГАДА материалы об адыгах отложились в фондах «Кабардинские, черкесские и другие дела» (ф. 115) с 1588-го по 1719 г. (остальная часть, начиная с 1720 г. передана, как и все другие кавказские дела, в АВПРИ; «Кумыцкие и тарковские дела» (ф. 121); «Грузинские дела» (ф. 110) с 1586-го по 1700 г.; «Донские дела» (ф. 111) с 1623-го по 1770 г.; «Калмыцкие дела» (ф. 119) с 1673-го по 1683 г.; «Кабинет Петра I» (ф. 9); «Секретная экспедиция Сената» (ф. 259). Политическая история адыгских (черкесских) княжеств в контексте международных отношений XVI–XVIII вв. хорошо отражена в фондах: «Сношения России с Турцией» (ф. 89), дела с 1496-го

* Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление» по проекту «Исторический опыт и актуальные проблемы интеграции культурно-сложного макрорегиона в российское государственное пространство: Северный Кавказ». Номер государственного учета – АААА-А18-118021490153-5.

по 1719 г.; «Сношения России с Ногайской ордой» (ф. 127) с 1489-го по 1659 г.; «Сношения России с Крымом» (ф. 123) с 1474-го по 1718 г.; «Сношения России с Персией» (ф. 77) с 1588-го по 1700 г. Среди фондов АВПРИ следует назвать: «Кабардинские дела» (ф. 115), «Осетинские дела» (ф. 128), «Кизлярские и Моздокские дела» (ф. 118), «Кумыцкие и тарковские дела» (ф. 121), «Сношения России с Крымом» (ф. 123).

Документы о связях России с Балкарией отдельно не сформировались, но фрагментарные свидетельства о балкарских обществах XVII–XVIII вв. встречаются в фондах «Сношения России с Грузией», «Кабардинские дела» и «Осетинские дела». Самые ранние сведения русских источников о балкарцах содержатся в документах Посольского приказа, относящихся к концу 1620-х гг. Еще в первой половине XIX в. часть документов этого учреждения, касающаяся разведки месторождений серебра на Центральном Кавказе, была отослана из Москвы в Петербург академику Гамелю и осталась в его собрании (ф. 175), хранящемся в настоящее время в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН.

Кроме того, в этом архивохранилище находится документация Астраханской приказной палаты (ф. 178), которая представляет огромный интерес для изучения северокавказского региона, так как именно через Астрахань в конце XVI–XVII вв. проходила вся переписка царского двора с Терским городом и феодальными правителями Северного Кавказа. Например, здесь хранится переписка астраханских и терских воевод о связях с Кабардой; отписки терских воевод с просьбами кабардинских князей о помощи против «недругов», о посылке на Терек жалования, о военных действиях под Терским городом в 1651, 1672, 1689 гг. и другие интересные источники.

Многое из комплекса дипломатической документации Посольского приказа и Коллегии иностранных дел по взаимоотношениям России с народами Северного Кавказа в XVIII в. стало известно благодаря деятельности П.Г. Буткова. Собранный им еще в XIX в. разнообразный документальный материал отложился в его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (ф. 99) и Военно-ученом архиве Российского государственного военно-исторического архива (ф. 482). Другие коллекции ВУА РГВИА также содержат обширные сведения о внутривнутриполитической и внешнеполитической обстановке в Кабарде и соседних этнополитических образованиях северокавказского региона в XVIII в.

Среди региональных архивов важное значение для истории Кабарды и Балкарии XVIII в. имеют материалы архива Кизлярского коменданта, поступившие в 1959 г. после многократных перемещений в Центральный архив Дагестанской Республики. Среди хранящихся здесь документов 1730–80-х гг. на русском, кавказских и иностранных языках особую ценность представляют источники местного происхождения. Часть их, в большей степени имеющая отношение к Дагестану, написана по-арабски, другая – на литературном языке «тюрки», который использовался в тот период в качестве регионального языка обыденной и деловой переписки на Северо-Восточном и Центральном Кавказе. Причем, в феодальных владениях с нетюрским населением (например, в Кабарде) при составлении документов местная социальная терминология заменялась тюркскими эквивалентами.

Наиболее важные комплексы источников по истории Кабарды и Балкарии XVI–XVIII вв., хранящиеся в указанных архивохранилищах и частично опубликованные, можно представить следующим образом.

Систематические взаимоотношения адыгских (черкесских) княжеств с Россией начались с 50-х гг. XVI в., когда их посольства принимали присяги о подданстве. Официальные документы об этих событиях не сохранились, но они были использованы во время составления при царском дворе официальной летописи. Известно, что с конца XV в. Посольский приказ имел отношение к русскому летописанию. Определенные представления об этом дают описи «Царского архива» и архива Посольского приказа. Работа, проведенная А.А. Зиминым по реконструкции

отдельных пластов документальных материалов, из которых складывался государственный архив XVI в., позволяет считать, что адыго-русские отношения, начиная с известных посольств 1552, 1555, 1557 гг. оформлялись соответствующими дипломатическими документами. В описи царского архива, дошедшей до нас в дефектном виде, имеются отметки о содержавшихся в ящиках 183-м, 201-м, 211-м, 226-м следующих дел: «... посылки о сватовстве в Литву и в Свейскую землю, и в черкасы... черкасских князей приезды и Домануко... посылки черкасские ко князю Темрюку, и книги, писаны в тетради от лета 7070-го до лета 7072-го»⁴. А.А. Зимин, используя разработанную А.А. Шахматовым методику текстологического анализа летописного материала, дал обширные комментарии содержания всех «ящичков» архивной описи. Восстанавливая посольские дела из ящика 211-го, где говорится: «...и грамоты Крымшевкаловы и Темгрюковы; и приезд Темгрюкова сына Солтанука», он пришел к выводу, что в целом ящик сформирован около 1557–1558 гг., хотя, возможно, содержал и более ранние материалы (1555 г.). Позднее интерес к нему возрос после брака Ивана IV с Марией Темрюковной (1561 г.), чем и объясняется перемещение его в группу ящиков 60-х гг. XVI в.»⁵. Опись Посольского приказа 1614 г. содержит указания лишь на обрывки приведенных дел царского архива XVI в. Последние лишь частично восстанавливаются летописными материалами.

Как показывают документы фонда «Кабардинские, черкесские и другие дела», поток документации, затрагивающий Кабарду, и в целом северокавказский регион, шел в двух направлениях и параллельно по двум каналам. Из Москвы от имени царя или Посольского приказа документы направлялись кабардинским владельцам, а также астраханским и терским воеводам. Это были жалованные грамоты, указы. Обратная документация шла в Москву из Кабарды, Астрахани и Терского города. Она состояла из челобитных кабардинских владельцев, отписок и докладов русских воевод. В этих источниках затрагивается разнообразный круг вопросов: о поездках кабардинских владельцев в Астрахань и выдаче им жалования, о противоборствующих княжеских группировках в Кабарде и участии в этом противостоянии терских и астраханских служилых людей, о приведении к присяге на подданство России (шертовании) князей и организации контроля за выполнением шертных обязательств, об отправлении кабардинских отрядов для участия в военных действиях против Швеции и Крымского ханства, о позиции кабардинской правящей верхушки по вопросу взаимоотношений Русского государства с Турцией, Крымом, Грузией, Ногайской ордой, Калмыцким ханством и народами Северного Кавказа. В многочисленных «памятях» различных приказов содержатся известия по определению жалования кабардинским князьям и мурзам, об освобождении отдельных из них от таможенных пошлин, имеются также сведения о доставляемых из Кабарды лошадях.

В русской дипломатической документации XVI–XVII вв. важное место занимают статейные списки различных посольств, которые характеризуют внешнюю политику Московского государства, укреплявшего постепенно свои позиции на Кавказе и стремившегося нейтрализовать в этом регионе влияния Персии, Турции и ее вассала – Крымского ханства. Как правило, посольства перед выездом снабжались «наказами», включавшими обширный перечень вопросов о географическом положении страны, ее народонаселении, городах, укрепленных местах, хозяйстве, торговле, военной силе, обычаях и т. д. Но главными были вопросы о внешнеполитических связях и политической ориентации. На примере статейных списков И.П. Новосельцева (1570 г.) и А.Ф. Жирового-Засекина (1600–1601 гг.) видно, как русские послы, отвергая притязания турок и персов, аргументированно доказывали, что Кабарда находилась в подданстве Русского государства⁶. В статейных списках Ф. Е. Елчина (1639–1640 гг.), Н.М. Толочанова и А. Иевлева (1650–1652 гг.), посольской документации В. Жидовинова и Ф. Порошина (1655 г.) отражены взаимоотношения и династические связи грузинского царского

дома и кабардинских великокняжеских домов, данные о хозяйстве и структуре кабардинских удельных княжеств XVII в.⁷, а также имеются сведения о балкар-омеретинских контактах, балкарских владельцах и населении ущелья реки Восточный Черек⁸. Кроме того, в посольских делах, отразивших в мельчайших подробностях все обстоятельства пребывания в Москве грузинского царя Теймураза и приехавших с ним владельцев Тушинской и Шибутской земель, зафиксирован визит к русскому царю Алексею Михайловичу одного из «балхарских владельцев» Аргутая Айдаболова⁹. Это самое раннее письменное свидетельство о прямом политическом контакте представителя балкарской знати с русским правительством.

В XVIII в. несколько расширяется круг русских письменных источников о балкарских обществах, которые попадают в поле зрения российской администрации в связи с кабардинскими и осетинскими делами. Одним из наиболее информативных является документ «Дополнение к кабардинскому описанию», датированный 1743 г. Источник содержит лаконичную, но емкую характеристику «пятого народа», под которым подразумеваются все этнические подразделения балкарцев. В качестве переводчика при составлении этого документа выступал кизлярский дворянин Алексей Тузов, чьи сообщения об археологических памятниках на территории Балкарии, о религиозных верованиях, о местах жительства балкарцев существенно расширяют представления об этом народе в рассматриваемый период¹⁰.

Большой интерес для изучения кабардино-русских отношений XVI–XVIII вв. представляют такие акты, как шертные и жалованные грамоты. Шертные грамоты содержали присягу (шерть) кабардинских владельцев в верности России. Эта группа документов позволяет раскрыть формы и политико-правовую природу русско-кабардинских отношений в этот период¹¹. Наряду с шертными записями политико-правовые взаимоотношения сторон оформлялись дачей русскими государями верховным кабардинским князьям и всей кабардинской земле «царских жаловальных з золотой печатью» грамот, из которых самой ранней из дошедших до нас является грамота 1588 г.¹² Они были по своему виду договорными и близкими к княжеским «докончальным», повторяли при этом основные положения шертных присяг. Сам тип этих грамот свидетельствует о союзническом характере отношений, установившихся между Русским государством и Кабардой. Одновременно клаузулы документов указывают на их вассально-подданнический контекст: «...кто нам будет недруг, то бы и вам был недруг».

Помимо договорных грамот служившим в Терском городе кабардинским князьям выдавались жалованные грамоты типа льготно-несудимых. Так, в 1615 г. Сунчалей Янгличевич был пожалован князем «над окочаны и черкасы» «с правом судить и в ратном строении, и во всяких делах их ведать»¹³. Грамоты, предоставлявшие такие права, получили в свое время Шолох Сунчалеевич и Касбулат Муцалович¹⁴. Эти грамоты позволяют предполагать, что окоцкое и черкесское население Терского города пользовалось экстерриториальностью и не подчинялось терскому воеводе.

Параллельно с жалованными грамотами кабардинским князьям царская власть направляла указные грамоты астраханским и терским воеводам. В них воеводам сообщались фамилии жалованных кабардинских князей, давались инструкции по отношению к ним, определялся порядок выдачи жалования, содержались наказания по организации совместных походов и т. д. На жалованных грамотах кабардинским князьям, в отличие от указных, употреблялась всегда красная печать, что подчеркивалось в конце текста: «У той грамоты привешена на шелковом снуру из красного воску печать».

Со стороны кабардинских князей огромное количество грамот поступало в Посольский приказ и Коллегию иностранных дел. В них князья просили защиты от внешних и внутренних врагов, оказания военной и материальной помощи, документы содержали просьбы об отпуске в Москву к государю, а также сообщения

о планах и действиях недругов государства¹⁵. Таким образом, взаимоотношения Кабарды с Россией в рассматриваемый период оформлялись важнейшими публично-правовыми актами.

Комплекс материалов по вопросам военной и административной организации господствующей аристократии сосредотачивался с середины XVI по XVIII в. в Разрядном приказе, который являлся центральным военным учреждением государства. Эта группа документов в большей степени отражает общественно-политическую деятельность представителей различных ветвей кабардинских и западно-адыгских Черкасских, служивших в Москве и Терском городе. Содержащиеся в «Дворцовых разрядах» многочисленные «местнические дела» указывают на высокое положение Черкасских в иерархической структуре русского феодального общества. Согласно таким источникам, как Дворцовая тетрадь 1550-х гг. и Список чинов 1588–1589 гг., дающих наиболее полную картину состава служилых князей Московского государства, Черкасские к тому времени уже являются составной частью русской аристократии¹⁶.

Из документов Разрядного приказа наибольшую ценность имеют родословные книги, содержащие информацию о политической жизни различных адыгских княжеств. Возникновение родословных росписей князей Черкасских в России было, скорее всего, связано с необходимостью определения их положения наряду с другими служилыми фамилиями, а также местническими вопросами. Родословные «выезжих» адыгских князей начали составляться с начала XVII в. Они показывают, как адыгские князья со второй половины XVI в. в ранге служилых влились в состав правящего класса Московского государства и многие из них заметно проявили себя на политическом и военном поприще. Самыми известными и наиболее полными являются родословные росписи кабардинских князей, которые содержатся в родословных книгах А.М. Пушкина и А.Б. Лобанова-Ростовского¹⁷. В них говорится о внутреннем положении Кабарды конца XVI–XVII вв., характеризуются сословные права кабардинских владельцев, размеры их населенных пунктов (кабаков) и количество подвластного населения. Родословные росписи дают возможность полнее восстановить историю взаимоотношений адыгов с соседними народами – осетинами, вайнахами, дагестанцами, ногаями и калмыками, а также с такими государствами, как Россия и Крымское ханство. В этом контексте следует прежде всего назвать подробные росписи потомков Черкасских, содержащиеся в редакции родословной книги, в списке П. П. Вяземского¹⁸; родословные росписи Ахамашуковых, Егуповых и Чумаховых Черкасских из разрядного приказа РГАДА¹⁹; дело «По прошению владельца М. Кабарды майора князя Бековича-Черкасского» из фонда «Кавказское областное дворянское депутатское собрание» Ставропольского архива²⁰. Дошедшие до нас родословные росписи являются как бы остовом, по которому в сочетании с этногенетическими преданиями восстанавливается генеалогия адыгских княжеских родов. Они содержат массу сведений о деятельности, родстве, участии представителей различных ветвей Черкасских в политической жизни русского общества.

К указанной группе материалов близко примыкают документы частной переписки, адресованные Черкасским, которые служили в Москве. Они свидетельствуют о том, что князья Черкасские, занимая видное место в среде русской высшей феодальной знати, своим положением и связями оказывали влияние на ход северокавказских событий. В качестве примера можно сослаться на письма княгини Тауки Салтанбековны из Терского города, адресованные сыну, Михаилу Алегуковичу Черкасскому, или письмо тарковского шамхала Сурхая князю и воеводе Григорию Сунчалеевичу Черкасскому²¹. Другая часть писем адресована российскими государями Михаилу Алегуковичу, Александру Бековичу и Алексею Михайловичу Черкасским и касается проблем внутренней и внешней политики страны в конце XVII – первой половине XVIII в. и опубликована в многотомном издании «Письма и бумаги императора Петра Великого».

Общественно-политическая деятельность Черкасских в России также нашла отражение в документах Центрального государственного исторического архива (ф. 1088, Шереметевы), архива АН России (ф. 94, А.М. Шегрен), РГАДА (ф. 1293, Русское генеалогическое общество; ф. 197, А.Ф. Малиновский) и фондах отдела письменных источников Государственного исторического музея (ф. 68, 229, 253, 445, 450).

С конца XVIII в. меняется видовая структура всего корпуса источников по истории Северного Кавказа. Появляются военно-топографические и статистические описания, отчеты многочисленных научных экспедиций, делопроизводственная документация кавказской администрации, письма и воспоминания служивших на Кавказе военных, материалы различных правительственных комиссий, статистика, периодические издания.

При этом особо следует подчеркнуть, что в XIX в., когда в русском обществе резко возрастает интерес к Кавказу и народам его населяющим, в России разворачивается большая археографическая работа. И если 12-томное издание «Актów, собранных Кавказской археографической комиссией» лишь в незначительной степени затронула русские источники до XIX в., то деятельность С.А. Белокурова и П.Г. Буткова по публикации архивных документов XVI–XVIII по истории Кавказа трудно переоценить. Часть «кабардинских» и «грузинских» дел, не вошедшая в публикации С.А. Белокурова, хранится в его личном фонде в РГАДА (ф. 184) и Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 23). Многие из комплекса дипломатической документации Посольского приказа и Коллегии иностранных дел по взаимоотношениям России с Крымским ханством, Османским государством, Ногайской Ордой, Грузией, народами Северного Кавказа, донскими и терскими казаками благодаря Н.И. Новикову, А.Ф. Малиновскому, Г.Ф. Карпову, Г.Ф. Штедману, Ф. Лашкову, Н.И. Веселовскому, А.А. Лишину, Н.Н. Бантыш-Каменскому, С.Н. Кологривову, М. Оболенскому, И. Даниловичу, А.А. Цагарели, М.И. Броссе, М.Г. Джанашвили, П. Юдину и другим исследователям было опубликовано и введено в научный оборот уже к началу XX в. Советская историческая наука пополнила кавказоведение академическим археографическим изданием «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.», не потерявшим своего огромного значения и по сей день. В настоящее время продолжают архивоведческие разыскания и публикация документов по истории Кабарды и Балкарии XVI–XVIII вв.²².

Примечания

1. Кушева Е.Н. Северный Кавказ и международные отношения XVI–XVII вв. (обзор материалов русских архивов) // Исторический журнал. М.: Издательство «Правда», 1943. № 1. С. 60–68.

2. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Восточная литература, 1961. 259 с.

3. Пронштейн А.П. Материалы о народах Северного Кавказа XV–XVIII вв. в советских архивах // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Обществ. науки. Ростов-на-Дону, 1978. № 2. С. 3–6.

4. Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. С. 36–43.

5. Государственный архив России XVI столетия : Опыт реконструкции: В 3 ч. / Подгот. текста и коммент. А.А. Зимина. М.: Институт истории СССР, 1978. Ч. 2. С. 473.

6. Бушнев П.П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государства в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М.: Наука, 1976. С. 369–371.

7. Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / отв. ред. Д.С. Лихачев. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 490 с.

8. Муратова Е.Г. Русские делопроизводственные материалы XVII века о Балкарии и балкарцах // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2011. № 1. С. 43–49.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 110. Оп. 1. 1658 г. Д. 5. Л. 1–69.
10. Материалы по истории Осетии (XVIII в.) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. VI. Орджоникидзе, 1934. С. 34–36.
11. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2-х тт. Т. I. XVI–XVII. М.: АН СССР, 1957. С. 51–346.
12. Там же. С. 51–367.
13. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI–30-е годы XVIII века). М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 294.
14. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2-х тт. Т. I. XVI–XVII. С. 107, 325.
15. Там же. С. 58–180.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Столпцы Московского стола. № 751. Столпик 3. Л. 19, 21.
17. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2-х тт. Т. I. XVI–XVII. М.: АН СССР, 1957. С. 383–387.
18. Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. М.: Наука, 1975. С. 61–63, 186–187.
19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 18. Д. 117.
20. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 53. Д. 85. Л. 1–118.
21. Кашкин Н.Н. Столпцы князей Черкасских. СПб.: Русское генеалогическое общество, 1902. С. 10–11; Полиевктов М.А. Из переписки северокавказских феодалов XVII в. // Академия наук – академику Н.Я. Марру. М.–Л.: АН СССР, 1935. С. 745–755.
22. Народы Кабардино-Балкарии и Россия в политической истории Кавказа (сер. XVI – первая половина XIX в.). Документы и материалы. Ч. 1 / сост. К.Ф. Дзамихов. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 400 с.

THE HISTORY OF THE KABARDA AND BALKARIA OF THE XVI–XVIII CENTURIES IN THE REFLECTION OF RUSSIAN SOURCES

Dzamikhov Kasbolat Fitsevich, Doctor of history, professor, director of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), casbolat2013@yandex.ru

Muratova Elena Georgievna, Doctor of historical sciences of the Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov, lena_gm@mail.ru

The article reviews the documentary sources on the history of Kabarda and Balkaria of 16th–18th centuries. The subject sources of the following central archives are described: the Russian State Archive of Ancient Documents, the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, the Russian State Military Historical Archive, the Archive of the St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, the Manuscript Fund of the State Historical Museum and other archival collections. The authors offer a classification documents and point out unique features of the information contained in these sources. These sources, partially published in various collections of documents, reflect the political, social and legal relations between the peoples of Kabardino-Balkaria or their representatives and the Russian state in the 16th–18th centuries.

Keywords: Kabarda, Balkaria, 16th–18th centuries, historiography, archives, archive sources, source study.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-7-13